

ТЕОРИЯ АКЦИОНАЛЬНОСТИ И ЛИТОВСКИЙ ГЛАГОЛ

П.М. Аркадьев (Институт славяноведения РАН, Москва)

Предварительные замечания¹

Задача данной статьи двойка. С одной стороны, в ней ставится эмпирический и конкретно-языковой вопрос о системе акциональных классов глаголов в литовском языке — проблема, до сих пор не только не получившая адекватного решения, но и, фактически, эксплицитно не ставившаяся. С другой стороны, меня интересуют теоретические и типологические следствия, которые можно получить в результате анализа литовского материала, и возможные пути решения проблем, здесь возникающих.

Структура статьи такова. В первом разделе даётся сжатая, но по возможности исчерпывающая характеристика аспектологической теории, в рамках которой проведено данное исследование. Во втором разделе характеризуется видо-временная система литовского языка и излагаются результаты исследования литовских акциональных классов. Наконец, в третьем разделе обсуждаются типологическое своеобразие системы акциональных классов в литовском языке и возникающие при анализе литовского материала проблемы теоретического характера.

1. Теория акциональности

Акциональностью принято называть те компоненты лексической семантики глагола, которые отражают внутреннюю структуру описываемой им внеязыковой ситуации и релевантны для функционирования видовых категорий, таких как Совершенный² и Несовершенный Виды в русском языке, Present Continuous в английском и т.п.

---

¹ Работа выполнена при поддержке Фонда Содействия отечественной науке и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН. Я благодарю Б. Вимера, М.В. Завьялову, Т.М. Николаеву, А.Г. Пазельскую, Ю. Пакериса, Б. Парти, В.А. Плунгяна, Л. Савицки, А. Хольфута, А.В. Циммерлинга и А.Б. Шлуинского за ценные советы и замечания.

² Следуя сложившейся в типологии грамматических категорий традиции (ср. работы: Dahl 1985, Bybee & Dahl 1989, Bybee et al. 1994), названия конкретно-языковых категорий и граммем я буду писать с заглавной буквы, а названия универсальных грамматических типов (например, «имперфектив», «пер-

Само понятие акциональности имеет смысл лишь в рамках такой трактовки вида, которая эксплицитно противопоставляет по меньшей мере два типа видовых значений — неформально говоря, «грамматический вид» и «лексический вид» (см. Sasse 2002). Таковой является, в частности, двухкомпонентная теория вида, наиболее отчётливо сформулированная в работах К. Смит (Smith 1997/1991, Смит 1998), ср. также отстаивающие, фактически, ту же идеологию работы Vendler 1967, Маслов 2004/1948, 2004/1978, Булыгина 1997/1982, Гловинская 1982, Bache 1982, Dahl 1985, Klein 1994, Breu 1994, Bache et al. (eds.) 1994, Johanson 1996, Bertinetto & Delfitto 2000, Падучева 1996, 2004а. Кратко охарактеризую эту теорию.

Двухкомпонентная теория вида исходит из того, что аспектуальная семантика предложения складывается из двух компонентов: внутренней аспектуальности, т.е. семантических характеристик ситуации, таких как СТАТИВНОСТЬ/ДИНАМИЧНОСТЬ, ТОЧЕЧНОСТЬ/ДЛИТЕЛЬНОСТЬ, ПРЕДЕЛЬНОСТЬ/НЕПРЕДЕЛЬНОСТЬ и т.п. — и внешней аспектуальности, т.е. значений, связанных с точкой зрения говорящего на ситуацию, в частности, видового ракурса (*aspectual viewpoint*). Остановимся на каждом из этих компонентов подробнее.

Внутренняя аспектуальность не сводится лишь к лексическому значению глагольной основы, но складывается по определённым принципам в результате взаимодействия глагола, его аргументов и определённых типов обстоятельств (см. подробнее такие работы, как Krifka 1989, 1998, Tenny 1994, Levin & Rappaport Hovav 1998, Filip 1999, Падучева 2004б, Лютикова и др. 2006, 250–266). Так, известно, что во многих языках есть глаголы, которые в сочетании с объектом определённого количества (квантованным) имеют предельную интерпретацию, а в сочетании с объектом неопределённого количества (кумулятивным) — неопредельную, ср. примеры (1а) и (1б) из английского языка:

- (1) а. *John ate the apples in two minutes.*
 ‘Джон съел (известные) яблоки за две минуты.’
 б. *He ate apples for half an hour.*
 ‘Джон полчаса поел яблок.’

На внутреннюю аспектуальность могут оказывать влияние разного рода модификаторы, ср. английские примеры (2а) и (2б) из работы Levin & Rappaport Hovav 1998:

фектив») и универсальных семантических ярлыков (например, «актуально-длительное значение») — МАЛЫМИ ПРОПИСНЫМИ.

- (2) a. *Phil swept the floor for an hour.*
 ‘Фил подметал пол в течение часа.’
 b. *Phil swept the floor clean in an hour.*
 ‘Фил за час подмёл пол дочиста.’

В русском и других славянских языках большую роль в формировании внутренней аспектуальности играет глагольная префиксация; то же самое, и во многом ещё более ярко, наблюдается и в литовском языке.

Перейдём к внешней аспектуальности. Основным её компонентом является видовой ракурс — точка зрения говорящего на ситуацию. Здесь важнейшую роль играет прагматическое понятие времени отсчёта (*topic time* по В. Клейну (Klein 1994), ср. Падучева 1996, 2004а) — того отрезка времени, который находится в сфере внимания говорящего в момент речи. При ИМПЕРФЕКТИВНОМ ракурсе время отсчёта помещается внутри времени ситуации, которая, тем самым, наблюдается «изнутри»; при ПЕРФЕКТИВНОМ же ракурсе время отсчёта, напротив, включает в себя время ситуации, наблюдаемой во всей целостности (ср. аналогичные формулировки в работах Исаченко 2003/1960 и Comrie 1976).

Важно отметить, что видовые ракурсы, по предположению, универсальны, причём в двух смыслах: во-первых, они имеются во всех языках мира, независимо от того, существуют ли в них грамматические средства их выразить, во-вторых, один и только один из видовых ракурсов представлен в любом независимом предложении (ср. Csirmaz 2004). Возможны ситуации, когда одно и то же предложение допускает как перфективное, так и имперфективное прочтения, ср. русский пример (3), однако эти прочтения взаимоисключают друг друга и не могут «амальгамироваться».

- (3) a. *Я читал «Войну и мир».*
 b. *Что ты делал, когда я вошёл? — Я читал «Войну и мир».*
 c. *Какие произведения Л.Н. Толстого ты читал? — Я читал «Войну и мир».*

Типичными «представителями» видовых ракурсов являются ПРОГРЕССИВ или АКТУАЛЬНО-ДЛИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ для ИМПЕРФЕКТИВА, и ЛИМИТАТИВ (грамматическое значение, выражающее ограниченные во времени ситуации, как правило, в прошлом) для ПЕРФЕКТИВА. Последний, однако, может реализовываться также и частных употреблениях таких, в принципе, аспектуально немаркированных категорий, как ЭКСПЕРИЕНЦИАЛЬНОЕ (общефактическое) значение, ср. (3с), и ХАБИТУАЛЬНОЕ (узуальное) значение, когда оно выражает квантификацию целостных ситуаций, ср. (4).

(4) *Я всегда быстро читаю книги.*

Теперь скажем несколько слов о соотношении двух рассмотренных типов видовых значений. Из самих ярлыков «внутренняя» и «внешняя» аспектуальность вытекает, что значения, относящиеся ко внутренней аспектуальности, находятся в сфере действия операторов внешней аспектуальности. Действительно, видовой ракурс может применяться лишь к уже построенным концептуализациям ситуаций и не надстраивается какими либо дополнительными ситуативными компонентами. То же самое, в общем случае, верно и для некоторых типов квантифицирующих аспектуальных значений (подробнее см. Шлуинский 2005).

То, как ситуация представлена на уровне внутренней аспектуальности, оказывает непосредственное влияние на возможности применения операторов видového ракурса. Так, очевидно, что ИМПЕРФЕКТИВНЫЙ ракурс сочетается лишь с ситуациями, имеющими длительность. Более того, ИМПЕРФЕКТИВНЫЙ ракурс не позволяет рассматривать конечные точки ситуации, в связи с чем возникает так называемый «имперфективный парадокс» (см. Dowty 1979): имперфективизация предельной ситуации имплицитно подразумевает, что предел не достигнут.

Напротив, ПЕРФЕКТИВНЫЙ ракурс наиболее естественно сочетается с точечными и предельными ситуациями. Об этом свидетельствует, в частности, то, что в некоторых языках аспектуально немаркированная глагольная форма получает ПЕРФЕКТИВНУЮ интерпретацию при глаголах, обозначающих предельные и точечные ситуации, а ИМПЕРФЕКТИВНУЮ интерпретацию — при предикатах, обозначающих неопределённые ситуации и состояния (ср. Bohnemeyer & Swift 2005). Соответственно, перфективизация неопределённых ситуаций и имперфективизация предельных, как правило, сопровождается особыми морфологическими показателями и, возможно, сдвигами в значении (подробней см. de Swart 1998, Csirmaz 2004).

Перейдём теперь к собственно понятию акциональности. Акциональность я буду понимать как тот компонент внутренней аспектуальности, который непосредственно отражён в лексической семантике глагола. При этом я исхожу из следующих методологических допущений, вытекающих из более общего принципа композициональности (ср. Heim & Kratzer 1998, Ch. 1): (i) акциональные свойства глагольной лексемы (т.е. глагола, рассматриваемого в данном лексическом значении и с данным набором аргументов; я позволю себе абстрагироваться от неизбежных теоретических проблем, связанных с понятиями «одинаковые/различные лексические значения», исходя из предположения, что в каждом конкретном случае разные значения одного предиката

можно тем или иным образом разграничить) следует описывать так, чтобы они были по возможности постоянны во всех её употреблениях; тем самым адекватная теория акциональности должна сформулировать акциональные свойства глагола *eat* ‘есть’ так, чтобы различные значения внутренней аспектуальности в примерах (1a) и (1b) были, во-первых, совместимы с ней, и, во-вторых, порождались в результате её взаимодействия с контекстом; (ii) акциональная характеристика глагола должна описываться так, чтобы контекст мог «надстраивать», но не модифицировать её (стирать или заменять отдельные её компоненты, ср. Levin & Rappaport Hovav 1998); тем самым, акциональные свойства глагола *sweep* ‘подметать’ должны быть сформулированы таким образом, чтобы позволять ему выступать в контексте типа (2b), а глагола *читать* — так, чтобы он мог выступать как в контекстах типа (3b), так и в контекстах типа (3c). Насколько данные допущения могут быть реализованы при разработке конкретной теории акциональности — вопрос эмпирический, и в следующих разделах мы к нему обратимся.

Существующие в настоящее время подходы к акциональности базируются в основном на работе З. Вендлера (Vendler 1967), предложившего классифицировать предикаты английского языка на четыре класса: состояния (*states, John loves Mary* ‘Джон любит Мери’), деятельности (*activities, John runs* ‘Джон бежит’), достижения (*achievements, John found the key* ‘Джон нашёл ключ’) и свершения (*accomplishments, John wrote a letter* ‘Джон написал письмо’). В последующих работах (например, Dowty 1979; Mourelatos 1981; Smith 1991; Verkuyl 1989, 1993; Klein 1994; Breu 1994; Filip 1999; Селиверстова (ред.) 1982 и в особенности Булыгина 1997/1982, а также уже упомянутые работы Е.В. Падучевой) классификация Вендлера многократно уточнялась и пересматривалась, причём на материале самых разных языков. За редкими исключениями, однако, исследователи полагали, что предложенная ими акциональная классификация предикатов универсальна, т.е. что в любом языке представлен один и тот же набор акциональных классов. Такое представление, однако, оказывается эмпирически неверным (см., в частности, работы Ebert 1995 и Johansson 1996), по крайней мере в том смысле, что, во-первых, аспектуальная классификация в конкретных языках оказывается более дробной, чем предложенная Вендлером (это верно, в частности, и для английского языка), и, во-вторых, глаголы, являющиеся в разных языках «переводными эквивалентами», нередко принадлежат в них к разным акциональным классам.

Для того, чтобы теория акциональности, с одной стороны, была способна адекватно отразить межъязыковое разнообразие в этой области, а, с другой, давала возможность делать типологические обобщения, необходима процедура выделения акцио-

нальных классов, применимая к любому языку. Такая процедура была предложена в работах С.Г. Татевосова (Tatevosov 2002, Татевосов 2005, Лютикова и др. 2006, Гл. 3). Суть её заключается в том, что акциональная характеристика лексемы выводится из акциональной характеристики её комбинаций с основными видовыми ракурсами, реализуемыми в видо-временных формах (ИМПЕРФЕКТИВ в форме НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ или ПРОГРЕССИВА, ПЕРФЕКТИВ — в форме ПЕРФЕКТИВНОГО ПРЕТЕРИТА или, в его отсутствие, аспектуально неохарактеризованного ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ). Акциональная же характеристика видо-временной формы принадлежит к закрытому универсальному набору элементарных акциональных значений: «состояние» (S; *спит*), «процесс» (P; *работает*), «мультипликативный процесс» (M; *кашляет*); «вхождение в состояние» (ES; *заснул*), «вхождение в процесс» (EP; *заработал*), «квант мультипликативного процесса» (Q; *кашлянул*)³. Акциональный класс в таком случае образует множество лексем с тождественными акциональными характеристиками обеих релевантных видо-временных форм.

После того, как были изложены основные положения того подхода к акциональности, который принят в данной статье, обратимся теперь непосредственно к материалу литовского языка.

2. Акциональные классы в литовском языке⁴

Перед тем, как перейти к рассмотрению собственно акциональных классов в литовском языке, необходимо кратко охарактеризовать его видо-временную систему (подробнее см., в частности, Sližienė 1995, Matthiassen 1996). В литовском языке представлена морфологическая категория Времени, включающая следующие граммы: Презенс, Претерит (так называемое Прошедшее однократное, *būtašis kartinis laikas*), Хабитуалис-в-Прошедшем (так называемое Прошедшее многократное, *būtašis dažninis laikas*) и Будущее. Несмотря на то, что, подобно многим языкам, литовский обладает грамматикализованным аспектуальным противопоставлением в системе прошедшего времени, соотношение однократного и многократного Прошедших времён вовсе не то-

---

³ Последнее из указанных значений сам С.Г. Татевосов не выделяет, отождествляя его с «вхождением в состояние»; я полагаю разумным различать эти два акциональных значения.

⁴ Материал литовского языка собирался в 2005 г. в Литве и в Москве. Я благодарю сотрудников Института литовского языка Литовской академии наук (Вильнюс), Вильнюсского университета и Посольства Литовской республики в Москве за любезную помощь.

ждественно оппозиции Аорист vs. Имперфект в европейских языках. Прошедшее многократное употребляется лишь для обозначения узуальных, повторяющихся ситуаций в прошлом, но не способно в норме выражать однократные длящиеся ситуации, ср. пример (5), заимствованный из статьи Holvoet & Čižik 2004 (с. 154):

- (5) *Jon-as atei-dav-o i mūs-ų susitikim-us.*
 Йонас-NOM.SG придти-НАВ-PST.3 в мы-GEN встреча -ACC.PL
 ‘Йонас приходил на наши встречи.’

Таким образом, Претерит фактически покрывает всю семантическую зону прошедшего времени (за исключением ряда таксисных, результативных и экспериенциальных контекстов, обслуживаемых аналитическим перфектом), будучи совместим с обоими видовыми ракурсами.

Литовская грамматическая традиция (см. такие работы, как Dambriūnas 1959, 1960; Дамбрюнас 1962; Галнайтите 1963; Galnaitytė 1962, 1978; Paulauskienė 1971, 1979; Reklaitis 1980; Амбразас (ред.) 1985, 199–202; Ambrazas (ed.) 1997, 234–237; Valeckienė 1998, 285–287; Ambrazas 1999⁵) постулирует в литовском языке «лексико-грамматическую» категорию Вида (*veikslas*) с двумя граммемами: «Несовершенный Вид» (*eigos veikslas*) и «Совершенный Вид» (*įvykio veikslas*)⁶. «Видовое» противопоставление в литовском языке обычно трактуется как лексическое. К «несовершенному виду» относятся глаголы, Презенс которых имеет АКТУАЛЬНО-ДЛИТЕЛЬНОЕ значение, а Претерит обозначает длящуюся ситуацию в прошлом (например, глагол *rašyti* ‘писать’), ср. пример (6).

- (6) a. *Jon-as raš-o laišk-q.*
 Йонас-NOM.SG писать-PRS.3 письмо-ACC.SG
 ‘Йонас пишет письмо.’
 b. *Jon-as raš-ė laišk-q.*
 Йонас-NOM.SG писать-PST.3 письмо-ACC.SG
 ‘Йонас писал письмо.’

Как глаголы «совершенного вида» трактуются те, Презенс которых не имеет АКТУАЛЬНО-ДЛИТЕЛЬНОГО значения, а употребляется в ХАБИТУАЛЬНОЙ и НАРРАТИВНОЙ (*‘praesens*

⁵ Библиография по вопросу о виде в литовском языке весьма обширна; разные исследователи придерживаются подчас весьма различных точек зрения на его характер и степень грамматикализованности, однако сам факт наличия в литовском видового противопоставления, во многом аналогичного славянскому, насколько мне известно, до недавнего времени под сомнение не ставился.

⁶ Ср. более адекватные переводы этих терминов – «процессуальный вид» и «событийный вид» – в статье [Булыгина, Синёва 2006].

historicum’) функциях, а Претерит обозначает точечные события в прошлом (например, глагол *parašyti* ‘написать’), ср. пример (7).

- (7) a. *Jon-as kasdien pa-raš-o laišk-us.*
 Йонас-NOM.SG каждый.день PRV-писать-PRS.3 письмо-ACC.PL
 ‘Йонас каждый день пишет письма (те, что задумал, и до конца).’
- b. *Jon-as pa-raš-ė laišk-q.*
 Йонас-NOM.SG PRV-писать-PST.3 письмо-ACC.SG
 ‘Йонас написал письмо.’

Также выделяется весьма обширный и, как мы увидим ниже, довольно аморфный класс «двувидовых» глаголов, Презенс которых, подобно «Несовершенному Виду», способен употребляться в АКТУАЛЬНО-ДЛИТЕЛЬНОМ значении, а Претерит выражает законченные ситуации, как у глаголов «Совершенного Вида» (например, *atidaryti* ‘открывать/открыть’), ср. пример (8).

- (8) a. *Jon-as atidar-o dur-is.*
 Йонас-NOM.SG открыть-PRS.3 дверь-ACC.PL
 ‘Йонас открывает дверь.’
- b. *Jon-as atidar-ė dur-is.*
 Йонас-NOM.SG открыть-PST.3 дверь-ACC.PL
 ‘Йонас открыл дверь.’

Такая система во многом напоминает категорию вида славянского типа, в особенности тем, что в литовском языке довольно широко представлена «видовая соотносительность» глагольных лексем (ср. пару *rašyti* ~ *parašyti*).

В работах последнего времени (см. Mathiassen 1996; Sawicki 2000; Вимер 2001, 2004; Holvoet & Čižik 2004), преимущественно написанных за пределами Литвы, выделение в литовском языке категории Вида подвергается сомнению. Против трактовки обрисованных выше противопоставлений как категории вида (в общепринятом понимании терминов «(грамматическая) категория» и «вид») можно выдвинуть следующие аргументы. Во-первых, данная «категория» в литовском языке не имеет собственно морфосинтаксических коррелятов: глаголы обоих «Видов» имеют полную парадигму временных, причастных и аналитических форм, не противопоставлены в значительном числе грамматических контекстов (так, в литовском языке нет того ограничения на сочетаемость полнозначных глаголов с фазовыми, которое является диагностическим для Вида в русском и ряде других славянских языков, ср. Вимер 2001, 40). Во-вторых, данная категория не допускает нейтрализации ни в каких типах контекстов, в отличие от категории Вида в русском языке (ср. известный «критерий Маслова»). В-третьих, «видовое» противопоставление в литовском языке не обладает той степенью продуктивности, которая характерна для славянских языков. Таким образом, можно заключить, что «в

функциональном отношении глагольная аффиксация литовского языка существенно отличается от аффиксации с современным русским языке» (Вимер 2001, 32).

В свете всего вышесказанного, приходится признать, что литовский язык представляет собою пример языка, в котором видовые ракурсы не грамматикализованы⁷. Дополнительным подтверждением этому могут служить следующие свойства глаголов, традиционно рассматриваемых в качестве глаголов «Несовершенного Вида». Во-первых, они, в отличие от «классических» форм имперфектива (ср. Маслов 1978/2004, 340–341; Dahl 1985, 76 ff.; Johanson 1996, 250), сочетаются с наречиями длительности, обозначая ограниченную во времени ситуацию, ср. (9); во-вторых, они способны употребляться в таксисном контексте следования, ср. (9), что также свидетельствует о том, что для них доступен перфективный ракурс⁸.

(9) *Berniuk-as skait-ė knyg-ą dvi valand-as, po t-o*
 мальчик-NOM.SG читать-PST.3 книга-ACC.SG два:ACC час-ACC.PL после это-GEN.SG.M
žiūrė-jo televizori-ų ir nu-ėj-o miego-ti.
 смотреть-PST.3 телевизор-ACC.PL и PRV-идти-PST.3 спать-INF

‘Мальчик почитал два часа книгу, потом посмотрел телевизор и пошёл спать.’

При применении к литовскому языку описанной в предыдущем разделе процедуры выделения аспектуальных классов, глаголы рассматривались в формах Презенса и Претерита, причём как самостоятельно, так и в сочетании с наречиями длительности (типа *pūsvalandį* ‘полчаса’) и срока (типа *per pūsvalandį* ‘за полчаса’). В качестве материала была использована выборка из примерно двухсот лексем, состоящая из двух примерно равных по объёму «блоков»: «базовые», в массе своей непроезводные глаголы и глаголы, морфологически производные от «базовых». Такой способ рассмотрения необходим, в частности, для того, чтобы учесть «пары», подобные приведённой выше *rašyti ~ parašyti*.

---

⁷ Данное утверждение не следует понимать так, что литовский язык не имеет средств противопоставить перфективный и имперфективный ракурсы; такие средства в нём есть, однако они носят не грамматический, а лексический характер.

⁸ Следует отметить, что обе эти характеристики литовские глаголы разделяют с русскими глаголами НСВ, которые, тем самым, также оказываются совместимыми с обоими видовыми ракурсами. Это свидетельствует, как уже неоднократно отмечалось (см. хотя бы уже цитированную монографию Dahl 1985), о том, что категория вида славянского типа не сводится к противопоставлению универсальных перфективного и имперфективного ракурсов. Ср. также Dickey 2000.

В результате применения процедуры выделения аспектуальных классов в литовском языке был обнаружен целый ряд классов, часть которых, очевидно, весьма продуктивна, а часть — скорее малочисленна⁹, ср. таблицу 1¹⁰.

Таблица 1. Система акциональных классов в литовском языке

Класс	Число лексем	IPF	PFV	Примеры
Моментальный	83	—	ES	<i>mesti</i> ‘бросить’, <i>pa-rašyti</i> ‘написать’, <i>mostelėti</i> ‘махнуть’
Процессуальный	56	P	P	<i>skristi</i> ‘лететь’, <i>rašyti</i> ‘писать’, <i>pykdyti</i> ‘сердить’
Стативный	30	S	S	<i>girdėti</i> ‘слышать’, <i>laukti</i> ‘ждать’, <i>pri-klausyti</i> ‘принадлежать’
Сильный предельный	21	P	ES	<i>grįžti</i> ‘вернуться’, <i>atidaryti</i> ‘открыть’
Мультипликативный	13	M	M	<i>bučiuoti</i> ‘целовать’, <i>moti</i> ‘махать’
Лимитативно-стативный	5	—	S	<i>pa-laikyti</i> ‘подержать’
Лимитативно-предельный	4	—	ES,P	<i>pa-žiūrėti</i> ‘посмотреть’
Слабый инцептивно-стативный	4	S	ES,S	<i>pa-tikti</i> ‘нравиться’, <i>su-prasti</i> ‘понимать’
Слабый предельный	3	P	ES,P	<i>plyšti</i> ‘рваться’, <i>pa-dėti</i> ‘помогать’
Моментально-ингрессивный	3	—	EP	<i>už-virti</i> ‘закипеть’
Сильный мультипликативный	1	M	Q	<i>nu-lašėti</i> ‘капнуть’
Лимитативно-процессуальный	1	—	P	<i>pa-vaikščioti</i> ‘погулять’

Таблица 1 позволяет отметить ряд важных особенностей литовской акциональной системы. Основная из них — резкое преобладание в моментальных и процессуальных глаголах над предельными. Если в европейских, финно-угорских, тюркских и кавказских языках предельные предикаты составляют едва ли не большую часть глагольного лексикона, то в литовском языке они скорее находятся в меньшинстве. «Аналоги» предельных глаголов других языков в литовском языке — пары однокоренных лексем, одна из которых относится к процессуальному классу, а другая, морфологически производная от первой, как правило, при помощи преверба, — к моментальному. Семанти-

⁹ Следует сразу оговориться, что любые статистические утверждения в данной статье являются сугубо предварительными, в частности, из-за того, что ряд аспектуальных классов коррелирует с продуктивными словообразовательными типами, представленными в моей выборке лишь единичными лексемами.

¹⁰ В таблице IPF и PF обозначают акциональную характеристику Презенса и Претерита, соответственно. Дефисом разделяются превербы и глагольная основа.

ческие отношения между членами таких пар устроены следующим образом: процессуальный глагол обозначает «действие в развитии», тем самым, допуская как АКТУАЛЬНО-ДЛИТЕЛЬНОЕ значение Презенса, так и ДУРАТИВНОЕ и ЛИМИТАТИВНОЕ прочтения Претерита; моментальный же глагол обозначает событие, являющееся закономерным результатом того процесса, который выражает процессуальный член пары. «В сумме» эти глаголы покрывают целостную предельную ситуацию, комплексная структура которой (см. Levin & Rappaport Hovav 1998, Pustejovsky 2000) и позволяет «распределить» её между двумя разными лексемами.

К такого рода «акциональным парам» мы ещё вернёмся ниже, а теперь обратимся к другим, менее многочисленным классам. Часть их — сильный и слабый предельные и слабый инцептивно-стативный — роднят акциональную систему литовского языка с «классическими» системами, часть — так называемые лимитативные классы, — напротив, составляют его типологическое своеобразие.

Глаголы сильного предельного класса — это как раз те глаголы, которые традиционная литуанистика называет «двувидовыми», ср. пример (8) выше. Основное отличие сильных классов от слабых — возможность непредельного прочтения Претерита — проявляется в сочетаемости с временными наречиями. Если глаголы сильного предельного класса допускают лишь наречия срока, ср. (10a), то лексемы, входящие в слабый предельный и слабый инцептивно-стативный классы¹¹, сочетаются как с наречиями срока, так и с наречиями длительности, ср. (10b), (11):

(10) a. *Paukšči-ai* *(per) *du* *menesi-us* *at-skrid-o* *i* *piet-us*.
птица-NOM.PL за два.ACC месяц-ACC.PL при-лететь-PST.3 в юг-ACC.PL
'Птицы за два месяца прилетели || *два месяца летели на юг.'

b. *Tavo rankov-ė* *plyš-o* (per) *dešimt sekundži-ų*.
твой рукав-NOM.SG рваться-PST.3 за десять секунда-GEN.PL
'Твой рукав порвался за десять секунд || рвался десять секунд.'

(11) *Aldon-ai* *ilgai* || *iš kart-o* *patik-o* *Algird-as*.
Алдона-DAT.SG долго из раз-GEN.SG нравиться-PST.3 Альгирдас-NOM.SG
'Алдоне долго нравился || сразу понравился Альгирдас.'

Более того, Претерит слабых предельных и инцептивно-стативных глаголов, по крайней мере, в речи некоторых носителей, может интерпретироваться как в ПЕРФЕКТИВНОМ, так и в ИМПЕРФЕКТИВНОМ ракурсах, ср. пример (12):

---

¹¹ Сильные инцептивно-стативные предикаты (<S, ES>) в нашей выборке систематически не представлены; в принципе, однако, разные носители трактуют литовские инцептивно-стативные глаголы по-разному: одни допускают у них стативное прочтение Претерита наряду с инцептивным, другие — нет.

- (12) a. *Kai Aldon-a su-si-pažin-o su Algird-u,*
 когда Алдона-NOM.SG PRV-REFL-знакомиться-PST.3 с Альгирдас-INS.SG
j-is j-ai pa.tik-o.
 он-NOM.SG.M он-DAT.SG.F PRV.нравиться-PST.3

‘Когда Алдона познакомилась с Альгирдасом, он ей понравился.’

- b. *Kai aš su-si-pažin-a-u su Aldon-a,*
 когда я:NOM PRV-REFL-знакомиться-PST-1SG с Алдона-INS.SG
j-ai pa.tik-o Algird-as.
 он-DAT.SG.F PRV.нравиться-PST.3 Альгирдас-NOM.SG

‘Когда я познакомился с Алдоной, ей нравился Альгирдас.’

Таким образом, оказывается, что деление литовского глагольного лексикона на «Совершенный Вид», «Несовершенный Вид» и «двувидовые глаголы» не только сводится к акциональным противопоставлениям, но и оказывается беднее, чем акциональная классификация: под ярлыком «двувидовых глаголов» скрывается весьма гетерогенная группа лексем, обладающих различными семантическими и сочетаемостными свойствами.

Обратимся теперь к глаголам, которые я условно обозначил как лимитативные. Подобно моментальным глаголам, они не имеют АКТУАЛЬНО-ДЛИТЕЛЬНОГО прочтения форм Презенса и Претерита, ср. (13a), не допускают обстоятельств «включённого времени», ср. (13b), и при употреблении в таксисных контекстах имплицитно следуют, ср. пример (14):

- (13) a. *Berniuk-as pa-laik-o knyg-a rank-ose.*
 мальчик-NOM.SG PRV-держат-PRS.3 книга-ACC.SG рука-LOC.PL

‘Мальчик (некоторое время) держит книгу в руках.’ (только *praesens historicum*)

- b. **Kai aš įėj-a-u į kambar-į,*
 когда я:NOM войти-PST-1SG в комната-ACC.SG
berniuk-as pa-laik-ė knyg-a rank-ose.
 мальчик-NOM.SG PRV-держат-PST.3 книга-ACC.SG рука-LOC.PL

Ожидаемое значение ‘Когда я вошёл в комнату, мальчик держал в руках книгу.’

- (14) *Algird-as pa-gyven-o Vilni-uje ir persikėl-ė į Kaun-a.*
 Альгирдас-NOM.SG PRV-жить-PST.3 Вильнюс-LOC.SG и переселиться-PST.3 в Каунас-ACC.SG
 ‘Альгирдас пожил в Вильнюсе и <затем> переселился в Каунас.’

С другой стороны, формы претерита лимитативных глаголов допускают неопределённое прочтение (стативное у лимитативно-стативных и процессуальное у лимитативно-процессуальных) и сочетаются с наречиями длительности, ср. примеры (15a) и (15b):

- (15) a. *Algird-as pa-gyven-o du met-us Vilni-uje.*
 Альгирдас-NOM.SG PRV-жить-PST.3 два:ACC год-ACC.PL Вильнюс-LOC.SG
 ‘Альгирдас два года пожил в Вильнюсе’

- b. *Aldon-a pa-vaikšči-oj-o pusvaland-į park-e.*
 Алдона-NOM.SG PRV-гулять-PST.3 полчаса-ACC.SG парк-LOC.SG
 ‘Алдона погуляла полчаса в парке.’

Отдельную подгруппу в составе лимитативных глаголов образуют лимитативно-предельные предикаты, форма Претерита которых допускает не только непредельное процессное значение, но и предельное значение вхождения в состояние, ср. (16):

- (16) *Jon-as (per) dvi valand-as pa-žiūrėj-o film-a.*
 Йонас-NOM.SG за два:ACC час-ACC.PL PRV-смотреть-PST.3 фильм-ACC.SG
 ‘Йонас два часа посмотрел фильм <и ушёл, недосмотрев> || за два часа посмотрел фильм (целиком).’

Как видно, данные глаголы по основным своим характеристикам аналогичны глаголам делимитативного «способа действия», широко представленным в славянских языках. Их основная функция — обозначать ограниченные во времени ситуации, не имеющие «ингерентных» конечных точек.

Итак, в литовском языке представлена весьма своеобразная система акциональных классов глаголов, характеризующаяся следующими особенностями: (i) преобладание «однофазовых», обозначающих во всех формах лишь одну ситуацию (стативных, процессуальных и моментальных) предикатов над «двухфазовыми», способными обозначать две ситуации – длительное состояние или процесс и мгновенный переход-вхождение (предельными, инцептивно-стативными); (ii) большое число соотносительных глаголов моментального и процессуального или стативного классов, обозначающих разные фазы одной сложной ситуации; (iii) наличие лимитативных глаголов, обозначающих ограниченные во времени длительные ситуации. В следующем разделе я рассмотрю теоретические и типологические импликации литовской акциональной системы.

3. Теоретические импликации

Основной типологической особенностью акциональной системы литовского языка является наличие в нём большого числа глаголов, как бы дополняющих акциональные значения друг друга до своего рода «целого», которое в других языках выражается в пределах одной лексемы. Глаголы, обозначающие инкрементальные¹² про-

---

¹² Понятие «инкрементального предиката», введенное М. Крифкой (см. Krifka 1989; 1998; Filip 1999; Падучева 2004б) может быть неформально охарактеризовано следующим образом: предикат *P* находится в инкрементальном отношении со своим аргументом *x*, если по мере того, как совершается действие, обозначаемое *P*, *x* во все большей степени оказывается затронут этим действием. Так, по мере того, как *Иван читает книгу*, все бóльшая часть книги оказывается прочитанной; напротив, неверно, что чем больше *Иван толкает тележку*, тем бóльшая часть тележки подвержена каким-либо изменениям.

цессы (*rašyti* ‘писать’, *gerti* ‘пить’, *pilti* ‘лить, сыпать’ и многие другие), как правило, относятся к процессуальному классу и, следовательно, не способны выразить событие, являющееся кульминацией такого процесса. Эту фазу ситуации обозначает моментальный глагол (соответственно, *parašyti* ‘написать’, *išgerti* ‘выпить’, *supilti* ‘налить, насыпать’), для которого, в свою очередь, недоступна процессуальная фаза. Аналогичным образом, некоторые стивные глаголы (например, *gulėti* ‘лежать’, *manyti* ‘думать, полагать’, *sirgti* ‘болеть’) имеют производные моментальные корреляты, обозначающие вхождение в соответствующее состояние (*atsigulti* ‘лечь’, *pamanyti* ‘подумать’, *susirgti* ‘заболеть’).

Такая ситуация, тем более при рассмотрении её на славянском фоне, может навести на мысль, что для того, чтобы приблизить систему акциональных классов литовских глаголов к типологически более частым «образцам» и, помимо этого, отразить тот немаловажный факт, что акционально соотнесённые глаголы, помимо регулярных семантических корреляций, входят также в отношения морфологической производности, необходимо в качестве объекта акциональной классификации в литовском языке рассматривать не отдельные лексемы, а пары или группы лексем, входящих в отношения акциональной дополнителности. Ниже я остановлюсь на этой возможности и попытаюсь показать её неудовлетворительность.

Допустим, что наша теория акциональности позволяет в качестве объектов акциональной классификации рассматривать не только отдельные лексемы, но и группы лексем, объединённых по некоторому принципу. В таком случае теория должна эксплицитно задавать, во-первых, случаи, в которых такое расширение классификационной базы возможно, и, во-вторых, критерии объединения лексем в акциональные группы. Выше уже было указано, что акциональные группы может быть целесообразно вводить в тех случаях, когда ситуации, состоящие из нескольких неоднородных компонентов (в прототипическом случае — предельные ситуации, складывающиеся, как минимум, из процесса и события-кульминации), оказываются «расщеплены» между двумя (по меньшей мере) лексемами, обозначающими разные фазы таких ситуаций. В литовском языке этому критерию отвечают пары «бесприставочный процессуальный глагол — приставочный моментальный глагол». Следует, однако, ещё раз обратить внимание на то, что квалификация того или иного литовского глагола как моментального или предельного зависит лишь от того, допускает ли форма Презенса этого глагола АКТУАЛЬНО-ДЛИТЕЛЬНОЕ значение. Как выясняется, данное противопоставление не является абсолютно жёстким: носители зачастую расходятся в суждениях о том, можно ли употребить тот или иной приставочный глагол в форме АКТУАЛЬНО-ДЛИТЕЛЬНОГО

ребить тот или иной приставочный глагол в форме АКТУАЛЬНО-ДЛИТЕЛЬНОГО Презенса, ср. (17) и (18), где одни носители допускают в имперфективном контексте приставочный глагол, а другие — нет:

(17) *Berniuk-as* (pri-)riš-a šun-i prie medži-o.
 мальчик-NOM.SG (PRV-)привязывать-PRS.3 собака-ACC.SG к дерево-GEN.SG
 {Что сейчас делает мальчик?} ‘Мальчик привязывает собаку к дереву.’

(18) *Berniuk-as* (pri-)ei-na prie savo tėv-o
 мальчик-NOM.SG PRV-идти-PRS.3 к свой отец-GEN.SG
 {Я вижу, что} ‘Мальчик подходит (идёт) к своему отцу.’

Необходимо отметить, однако, что независимо от способности данного префиксального предиката употребляться в имперфективном контексте, и, следовательно, от его классификации как моментального или предельного, он не перестаёт находиться в регулярном семантико-морфологическом отношении с бесприставочным процессуальным глаголом. В таком случае встаёт вопрос о том, можно ли объединять в акциональную пару глаголы, не находящиеся в отношении полной акциональной дополненности. Отрицательный ответ на этот вопрос привёл бы к тому, что целый ряд инкрементальных процессуальных глаголов (например, глагол *rišti* ‘вязать, привязывать’) оказались бы «осиротевшим», попав в один класс с такими прототипическими процессуальными глаголами, как *vaikščioti* ‘гулять’. При положительном же ответе возникает проблема, связанная с размыванием границ применения аппарата акциональных групп и необходимостью выработать дополнительные ограничения.

Обратимся теперь к критериям объединения глаголов в акциональные группы, рассматривая лишь ситуацию полной акциональной дополненности предикатов. При более пристальном рассмотрении материала оказывается, что само явление «полной акциональной дополненности» в значительной степени иллюзорно. Соотношение производного процессуального глагола с префиксальным моментальным не является строго однозначным: значение и дистрибуция процессуального глагола, как правило, шире, чем семантика его моментального коррелята, и с этим связано то, что таких моментальных производных у одного процессуального глагола обычно бывает больше одного (см. подробное обсуждение в статье Вимер 2001, 48–51). Ср. хотя бы глагол *keisti* ‘менять’, которому соответствует *iškeisti* ‘разменять’ и *pakeisti* ‘заменить’. Разумеется, можно постулировать столько омонимичных¹³ процессуальных лексем, сколько имеется различных моментальных дериватов, однако такое решение, как мне представ-

ляется, даёт желаемое разбиение на акциональные пары слишком дорогой ценой. Более того, как убедительно показывает Б. Вимер в цитируемой работе, в литовском языке мы имеем дело не столько с чётко структурированной полисемией процессуальных глаголов, сколько с диффузностью их значения; префикс, тем самым, служит не только для выражения событийной фазы ситуации, недоступной непроизводному глаголу, но и конкретизирует («контурирует») характер этого события (ср. обсуждение функций глагольных сателлитов в статье Talmy 2001/1985)¹⁴.

Допустим, далее, что уже упомянутые проблемы тем или иным образом решены и акциональные группы сформированы. Возникает вопрос: какая лингвистическая реальность стоит за акциональной группой? Действительно, при рассмотрении в качестве объекта акциональной классификации лексем акциональная характеристика приписывается единице словаря, или, если угодно, её морфологической основе. Акциональная пара, однако, единицей словаря ни в каком смысле не является (о чём свидетельствует, помимо прочего, и литовская лексикографическая практика); тем самым, акциональную характеристику необходимо приписывать общей части основ лексем, входящих в пару. Однако эта общая часть в значительном большинстве случаев является основой процессуального глагола; действительно, если мы рассмотрим акциональную пару <*geriti*, *išgeriti* ‘пить, выпить’>, то её основа — *ger-* является одновременно и основой глагола *geriti* ‘пить’, и именно ей следует приписать предельную акциональную характеристику <P, ES>. Если это сделать, однако, необходимо вводить в грамматику литовского языка отдельный механизм, который бы запрещал реализацию акционального значения «вхождение в состояние» у непроизводного глагола¹⁵. Литовские процессуальные глаголы не могут иметь предельных прочтений ни в каких контекстах, в том числе в хабитуальных, ср. пример (19), где допустимо употребить лишь моментальный глагол:

---

¹³ «Омонимичных» в смысле «обладающих тождественной звуковой оболочкой, но различающихся по значению», но не «обладающих синхронно неродственными значениями».

¹⁴ Ср., например, весьма показательный глагол *rakinti*, у которого есть производные *atrankinti* ‘отпереть’ и *užrakinti* ‘запереть’; по-видимому, разумнее описывать его значение как ‘переводить замок из одного релевантного состояния в другое’, нежели постулировать полисемию ‘отпирать’ vs. ‘запирать’.

¹⁵ Замечу, что такой механизм исключается принятой в данной статье архитектурой теории акциональности, которая позволяет добавлять к акциональной характеристике лексемы новые компоненты, но запрещает заменять или тем более удалять уже имеющиеся.

(19) *Sekretori-us kasdien per dvi valand-as pa-raš-o* ||
 секретарь-NOM.SG каждый.день за два:ACC час-ACC.PL PRV-писать-PRS.3
 **raš-o tr-is laišk-us ir išei-na.*
 писать-PRS.3 три-ACC письмо-ACC.PL и выйти-PRS.3

‘Секретарь каждый день за два часа пишет (букв. *напишет) три письма за два часа и уходит (букв. *уйдёт).’

Таким образом мы приходим к парадоксальной ситуации — акциональная характеристика приписывается языковой единице, у которой она не может быть реализована.

Здесь мы вновь возвращаемся к проблеме своеобразия литовской акциональной системы — своеобразия, которое гипотетическая методика объединения лексем в акциональные пары или группы оказалась неспособной устранить. Для того, чтобы увидеть его ещё более рельефно, обратимся к русскому языку, во многом похожому на литовский, но отличающемся от него в ряде принципиальных моментов (ср. Вимер 2001). Действительно, применение к русскому материалу стандартной процедуры выделения акциональных классов приводит к существенно большему числу акционально дополнительных глаголов, чем в литовском языке; здесь методика акциональных групп кажется более уместной, а её применение приводит к относительно естественным результатам (ср., например, Tatevosov 2002).

Тем не менее, вопрос о природе объекта, которому приписывается акциональная характеристика, для русского языка имеет ту же остроту, что и для литовского. Действительно, в парах типа <писать, написать> акциональную характеристику <P, ES> приходится приписывать основе *пис-*, а в парах типа <открыть, открывать> — основе *откры-*. И здесь оказывается, что такое решение для русского материала во многом оправдано. Действительно, в отличие от литовского, в русском языке глагол *писать* сам по себе, независимо от своего СВ-коррелята, способен употребляться в предельных контекстах, ср. хотя бы перевод примера (19). Это свидетельствует о том, что русские бесприставочные инкрементальные глаголы обозначают не только процессную фазу ситуации, но и кульминационное событие; тот факт же, что в ряде случаев они оказываются неспособны выразить это событие, связан не с акциональной дефектностью, как у их литовских аналогов, а с другими факторами, анализ которых выходит за пределы данного рассмотрения¹⁶. Что касается пар, в которых морфологически более

¹⁶ Выскажу лишь гипотезу, что указанное различие между русским и литовским языками напрямую связано со степенью и характером грамматикализации в этих языках видовых ракурсов. См. также статью Tatevosov, Pazelskaya 2006, где обсуждаются существенные различия в акциональных свойствах

сложным является глагол НСВ, то к ним применима та же логика: основа *откры-* обозначает предельное событие, причём событие, по ряду характеристик отличающееся от ситуаций типа *писать* (см. Levin & Rapoport Novav 1998, где вводится противопоставление глаголов способа, как *писать*, и глаголов результата, как *открыть*, ср. обсуждение в Лютикова и др. 2006: 35–38), а для рассмотрения процессуальной фазы данной ситуации, как и во многих других языках, требуется морфологическая модификация¹⁷.

Таким образом, приходится признать, что независимо от того, что выбирается в качестве объекта классификации при анализе акциональности в русском языке, акциональные характеристики русских глагольных основ устроены не так, как в литовском языке, и скорее подобны акциональным характеристикам глаголов европейских языков (ср. аналогичные выводы в работе Pazelskaya & Tatevosov 2006). Глагольная основа, в принципе соотносящаяся лишь с одним из грамматических видов, тем не менее обладает полным акциональным потенциалом, будучи способной обозначать, в частности, инкрементальный процесс, и событие, к которому приводит этот процесс. Напротив, «парные» глагольные основы литовского языка являются либо строго процессуальными, либо строго моментальными, причём это их свойство носит лексический, а не грамматический характер — в отличие от русского языка, где реализация глагольной основы её акционального потенциала, как и во всех языках с грамматикализованными видовыми ракурсами, опосредована категорией вида.

Таким образом, к уже не раз отмеченным в литературе различиям между литовской и славянской аспектуальной системами можно с достаточным основанием добавить и фундаментальное различие в устройстве акциональной системы. Это различие тем более существенно и интересно, что оно скрывается за кажущимся параллелизмом морфологических средств, выражающих в славянских и балтийских языках значения из области аспектуальности.

русских глагольных основ в составе аспектуально охарактеризованных глагольных форм и отглагольных имён действия.

¹⁷ Отмечу, что исторически глаголы типа *открыть*, подобно литовским глаголам типа *atidaryti* ‘тж.’ могли обозначать как событие, так и процесс, но были постепенно вытеснены из неопределённых контекстов исходно многократными производными с суффиксом *-ыва-* (см. Маслов 2004/1961). Аналогичный процесс, в принципе, фиксируется и для современного литовского языка, где приобретает продуктивность аспектуальная деривация при помощи фреквентативного суффикса *-inė-* (ср. Галнайтите 1966), постепенно проникающая и в область выражения АКТУАЛЬНО-ДЛИТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ.

Заключение

В данной статье я попытался показать, что применение к литовскому языку аспектологических теорий и методик, зарекомендовавших себя на другом и существенно отличающемся материале, может быть полезным и продуктивным как для изучения литовского языка — самого по себе и в сопоставлении со славянскими и другими языками, — так и для теории и типологии вида и акциональности. Последнее представляется особенно важным, поскольку материал литовского языка до сих пор сравнительно редко фигурировал в работах типологического и теоретического характера. Кратко суммирую основные результаты работы.

Типологическое своеобразие литовской аспектуальной системы заключается в следующем. Во-первых, в литовском языке нет ни одного из вариантов — «европейского» или «славянского» — грамматической категории вида, морфологически реализующей основные видовые ракурсы. Последние в литовском языке, однако, как правило, не нейтрализуются (что также возможно, ср. немецкий язык), но противопоставляются при помощи лексических средств, а именно соотносительных глаголов разных акциональных классов. Во-вторых, система акциональных классов глаголов в литовском языке весьма гетерогенна, а распределение предикатов по классам в большой степени необычно. Несмотря на наличие немалочисленных и стабильных классов предельных и инцептивно-стативных глаголов, значительная часть предикатов относится к процессуальному и моментальному классам, причём существует большое число пар глаголов, регулярно соотносящихся между собой как непроеизводный процессуальный и производный моментальный, «в сумме» обозначающих предельную ситуацию. В-третьих, указанные семантические характеристики таких глаголов носят ингерентный лексический характер и не связаны с прагматическим «профилированием» той или иной фазы ситуации, как в русском языке.

Сокращения

ACC – аккузатив, DAT – датив, F – женский род, GEN – генитив, HAB – хабитуалис, INF – инфинитив, LOC – локатив, M – мужской род, NEG – отрицание, NOM – номинатив, PL – множественное число, PRS – настоящее время, PRV – преверб, PST – прошедшее время, SG – единственное число

Литература

Амбразас (ред.) 1985 — Грамматика литовского языка / ред. В. Амбразас. Вильнюс, 1985.

Булыгина 1997/1982 — Т.В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. (1-е изд. в кн. Семантические типы предикатов / ред. О.Н. Селиверстова. М., 1982.)

Булыгина, Синёва 2006 — Т.В. Булыгина, О.В. Синёва. Литовский язык // Языки мира. Балтийские языки. М., 2006.

Вимер 2001 — Б. Вимер. Аспектуальные парадигмы и лексическое значение русских и литовских глаголов // Вопросы языкознания, 2001, № 2.

Вимер 2004 — Б. Вимер. Таксис и коинциденция в зависимых предикациях: литовские причастия на *-damas* // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе / ред. В.С. Храковский, А.Л. Мальчуков, С.Ю. Дмитренко. М., 2004.

Галнайтите 1963 — Э. Галнайтите (1963). Особенности категории вида глаголов в литовском языке (в сопоставлении с русским языком) // *Kalbotyra*, 7.

Галнайтите 1966 — Э. Галнайтите. К вопросу об имперфективации глаголов в литовском языке // *Baltistica*, 2/2.

Гловинская 1982 — М.Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.

Дамбрюнас 1962 — Л. Дамбрюнас. Глагольные виды в литовском языке // Вопросы глагольного вида / ред. Ю.С. Маслов. М., 1962.

Исаченко 2003/1960 — А.В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. I–II. 2-е изд., стереотипное. М., 2003 (1е изд. Братислава, 1960)

Лютикова и др. 2006 — Лютикова Е.А., Татевосов С.Г., Иванов М.Ю., Пазельская А.Г., Шлуинский А.Б. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М., 2006.

Маслов 2004/1948 — Ю.С. Маслов. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Ю.С. Маслов. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание / сост. и ред. А.В. Бондарко, Т.А. Майсак, В.А. Плунгян. М., 2004. (1-е изд. в Известия АН СССР — ОЛЯ, Т. 7, 1948, вып. 4.)

Маслов 2004/1961 — Ю.С. Маслов. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // Ю.С. Мас-

лов. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание / сост. и ред. А.В. Бондарко, Т.А. Майсак, В.А. Плунгян. М., 2004. (1-е изд. в кн. Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961.

Маслов 2004/1978 — Ю.С. Маслов. К основаниям сопоставительной аспектологии // Ю.С. Маслов. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание / сост. и ред. А.В. Бондарко, Т.А. Майсак, В.А. Плунгян. М., 2004. (1-е изд. в кн. Вопросы сопоставительной аспектологии / ред. Ю.С. Маслов. Л., 1978.)

Падучева 1996 — Е.В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Падучева 2004а — Е.В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Падучева 2004б — Е.В. Падучева. Накопитель эффекта и русская аспектология // Вопросы языкознания, 2004, № 5.

Селиверстова (ред.) 1982 — Семантические типы предикатов / ред. О.Н. Селиверстова. М., 1982.

Смит 1998 — К. Смит. Двухкомпонентная теория вида // Типология вида. Проблемы, поиски, решения / ред. М.Ю. Черткова. М., 1998.

Татевосов 2005 — С.Г. Татевосов. Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания, 2004, № 1.

Шлуинский 2005 — А.Б. Шлуинский. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения. Диссертация ... кандидата филологических наук. М., ОТиПЛ МГУ, 2005.

Ambrazas 1999 — V. Ambrazas. Veikslas // Lietuvių kalbos enciklopedija / red. V. Ambrazas. Vilnius, 1999.

Ambrazas (ed.) 1997 — Lithuanian Grammar / ed. V. Ambrazas. Vilnius, 1997.

Bache 1982 — C. Bache. Aspect and Aktionsart: Towards a semantic distinction // Journal of Linguistics, 1982, 18, 1.

Bache et al. (eds.) 1994 — Tense, Aspect and Action. Empirical and Theoretical Contributions to Language Typology / eds. C. Bache, H. Basbøll, C.-E. Lindberg. Berlin; New York, 1994.

Bertinetto, Delfitto 2000 — P.-M. Bertinetto, D. Delfitto. Aspect vs. actionality: Why they should be kept apart // Tense and Aspect in the Languages of Europe / ed. Ö. Dahl. Berlin; New York, 2000.

Bohnmeyer, Swift 2005 — J. Bohnmeyer, M. Swift. Default aspect: The semantic interaction of aspectual viewpoint and telicity // *Perspectives on Aspect* / ed. A. van Hout, H. de Swart, H. Verkuyl. Dordrecht, 2005.

Breu 1994 — W. Breu. Interactions between lexical, temporal, and aspectual meanings // *Studies in Language*, 1994, 18, 1.

Bybee, Dahl 1989 — J.L. Bybee, Ö. Dahl. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // *Studies in Language*, 1989, 13, 1.

Bybee et al. 1994 — J.L. Bybee, R.D. Perkins, W. Pagliuca. *The Evolution of Grammar. Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World*. Chicago; London, 1994.

Comrie 1976 — B. Comrie. *Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems*. Cambridge, 1976.

Csirmaz 2004 — A. Csirmaz. Aspect and aspect change cross-linguistically // *Preliminary Papers of LOLA 8* / ed. L. Hunyadi, G. Rákosi, E. Tóth. Debrecen, 2004.

Dahl 1985 — Ö. Dahl. *Tense and Aspect Systems*. Oxford, 1985.

Dambriūnas 1959 — L. Dambriūnas. Verbal aspects in Lithuanian // *Lingua Posnaniensis*, 7.

Dambriūnas (1960) — L. Dambriūnas. *Lietuvių kalbos veiksmažodžių aspektai*. Boston, 1960.

de Swart 1998 — H. de Swart. Aspect shift and coercion // *Natural Language and Linguistic Theory*, 1998, 16, 2.

Dickey 2000 — S. Dickey. *Parameters of Slavic Aspect (A Cognitive Approach)*. Stanford, 2000.

Dowty 1979 — D.R. Dowty. *Word Meaning and Montague Grammar*. Dordrecht, 1979.

Ebert 1995 — K. Ebert. Ambiguous perfect-progressive forms across languages // *Temporal Reference, Aspect and Actionality* / ed. P.-M. Bertinetto, V. Bianchi, J. Higginbotham, Ö. Dahl, M. Squartini. Vol. 1. Torino, 1995.

Filip 1999 — H. Filip. *Aspect, Eventuality Types, and Noun Phrase Semantics*. New York, 1999.

Galnaitytė 1962 — E. Galnaitytė. Ginčytini lietuvių kalbos veiksmažodžio veikslų klausimai // *Kalbotyra*, 4.

Galnaitytė 1978 — E. Galnaitytė. Veikslų definicijos lietuvių aspektologijoje klausimu // *Baltistica*, 14/1.

Heim, Kratzer 1998 — I. Heim, A. Kratzer. *Semantics in Generative Grammar*. Oxford, 1998.

Holvoet, Čižik 2004 — A. Holvoet, V. Čižik. *Veikslo priešpriešos tipai // Lietuvių kalbos gramatikos darbai, 2. Gramatinių kategorijų tyrimai / red. A. Holvoet, L. Semėnienė*. Vilnius, 2004.

Johanson 1996 — L. Johanson. *Terminality operators and their hierarchical status // Complex Structures: A Functionalist Perspective / ed. B. Devriendt et al.* Berlin, 1996.

Klein 1994 — W. Klein. *Time in Language*. London; New York, 1994.

Krifka 1989 — M. Krifka. *Nominalreferenz und Zeitkonstitution. Zur Semantik von Massentermen, Pluraltermen und Aspektklassen*. München, 1989.

Krifka 1998 — M. Krifka. *The origins of telicity // Events and Grammar / ed. S. Rothstein*. Dordrecht, 1998.

Levin, Rappaport Hovav 1998 — B. Levin, M. Rappaport Hovav. *Building verb meanings // The Projection of Arguments. Lexical and Compositional Factors / ed. M. Butt, W. Geuder*. Stanford (CA), 1998.

Matthiassen 1996 — T. Matthiassen. *Tense, Mood and Aspect in Lithuanian and Latvian // Meddelelser av Slavisk-baltisk afdeling, Universitetet i Oslo*, 1996, 75.

Mourelatos 1981 — A.P. Mourelatos. *Events, processes, and states // Syntax and Semantics. Vol. 14. Tense and Aspect / ed. P. Tedeschi, A. Zaenen*. New York, 1981.

Paulauskienė 1971 — A. Paulauskienė. *Dabartinės lietuvių kalbos veiksmažodis*. Vilnius, 1971.

Paulauskienė 1979 — A. Paulauskienė. *Gramatinės lietuvių kalbos veiksmažodžio kategorijos*. Vilnius, 1979.

Pustejovsky 2000 — J. Pustejovsky. *Events and the semantics of opposition // Events as Grammatical Objects / ed. C. Tenny, J. Pustejovsky*. Stanford (CA), 2000.

Reklaitis 1980 — J.K. Reklaitis. *Aspect in the Lithuanian verb // Journal of Baltic Studies*, 11/2.

Sasse 2002 — H.-J. Sasse. *Recent activity in the theory of aspect: Accomplishments, achievements, or just non-progressive state? // Linguistic Typology*, 2002, 6, 2.

Sawicky 2000 — L. Sawicky. *Remarks on the category of aspect in Lithuanian // Linguistica Baltica*, 2000, 8.

Slišienė 1995 — N. Slišienė. *The tense system of Lithuanian // The Tense Systems in European Languages, Vol. II / ed. R. Thieroff*. Tübingen, 1995.

Smith 1997/1991 — C. Smith. *The Parameter of Aspect*. 2nd ed. Dordrecht, 1997.

Talmy 2001/1985 — L. Talmy. Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical form // L. Talmy. *Towards a Cognitive Semantics*. Vol. 2. Cambridge (MA), 2001. (1st ed. in *Language Typology and Syntactic Description* / ed. T. Shopen. Vol. 3. Cambridge, 1985.

Tatevosov 2002 — S.G. Tatevosov. The parameter of actionality // *Linguistic Typology*, 2002, 6, 3.

Pazelskaya, Tatevosov 2006 — A.G. Pazelskaya, S.G. Tatevosov. Uninflected VPs, deverbal nouns and the aspectual architecture of Russian // *Formal Approaches to Slavic Linguistics 14. The Princeton Meeting* / eds. J.E. Lavine et al. Ann Arbor, 2003.

Tenny 1994 — C. Tenny. *Aspectual Roles and the Syntax-Semantics Interface*. Dordrecht, 1994.

Valeckienė 1998 — A. Valeckienė. *Funkcinė lietuvių kalbos gramatika*. Vilnius, 1998.

Vendler 1967 — Z. Vendler. *Verbs and times* // Z. Vendler. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca; New York, 1967.

Verkuyl 1989 — H. Verkuyl. Aspectual classes and aspectual composition // *Linguistics and Philosophy*, 1989, 12, 1.

Verkuyl 1993 — H. Verkuyl. *A Theory of Aspectuality. The Interaction between Temporal and Atemporal Structure*. Cambridge, 1993.